

БЫТ В РОМАНЕ И. ЭРЕНБУРГА «В ПРОТОЧНОМ ПЕРЕУЛКЕ»

Е. В. Юденкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2015 г.

Аннотация: в статье акцентируется внимание на изображении послереволюционной России в романе И. Эренбурга «В Проточном переулке». Бытовые характеристики используются автором для обозначения героев различных слоев общества и присущих им нравов.

Ключевые слова: русская литература XX века, роман, литературоведение, И. Эренбург, 1920-е годы.

Abstract: the article is devoted to representation of post revolutionary Russia in the novel of I. Ehrenburg «In Flowing backstreet». The author uses domestic characteristics to designate the heroes of different sectors of society and their mores.

Key words: Russian literature of the 20s, novel, literary criticism, I. Ehrenburg, 1920s.

В 1920-е годы критики писали о неудачах писателей в отражении быта в литературе. В частности Ю. Тынянов обращал внимание на стирание понятия жанра, на попытки соединить новый материал со старой жанровой формой, на некачественную фантастику.

Эти неудачи писателей связывались с отсутствием новых способов отражения быта в литературе. Быт, по мнению Ю. Тынянова, оказывается «литературенным» [1, 160], читатель видит не быт, а лишь декорацию. Б. Эйхенбаум в статье с характерным названием «Декорация эпохи» тоже отмечал отсутствие у быта начала 1920-х годов сюжетоспособности – оформления вне фабулы, в виде очерков и фельетонов [2, 448]. По наблюдению Ю. Тынянова, литература должна не отражать быт, а «зацеплять его», «сталкиваться» с ним в чем-то.

Следует уточнить значение термина. В словаре В. И. Даля нет отдельной статьи для этого понятия, слово «быт» дается в нем вместе со словами «быть» – существовать, «быто» – имущество, пожитки, «бытие» – жизнь, и означает бытность, род жизни, обычай, обыкновение, жизненный уклад. «Быт» – это понятие, связанное с повседневностью, материальностью, неотделимое, однако, от бытия – уже философской, а не бытовой категории [3, 92–93].

Словарь М. Фасмера уточняет этимологию слова «быт» областью его применения: древнепрусский «дом», ирландская «хижина» и древнеисландское «жилье» [4, 260].

Бытие как духовная категория находит свое выражение в материальной, бытовой жизни общества. Быт, таким образом, как совокупность обычаев и, что самое важное, нравов, присущих определенной социальной группе, отражает не только смену житейских обстоятельств, но фиксирует перемены в самом человеке, его системе ценностей.

В связи с этим претензии критиков, упрекающих писателей 1920-х годов в декоративности бытовых подробностей, свидетельствуют о смысловых претензиях к художественному тексту, к тому, как изображен человек послереволюционного времени. В этой связи интересны бытовые характеристики (и соответственно – нравы, представления о морали) героев в романе И. Эренбурга «В Проточном переулке».

Роман написан в 1926 году, по словам самого автора, «с натуры» [5, 34]. Материал для изображения дало время нэпа, И. Эренбург повествует о судьбе разных по происхождению, жизненному опыту и социальному положению людей, приходящихся друг другу «соседями» по переулку, создает в своем романе галерею образов тех, кто так или иначе пытается выжить в это время.

Героев повести можно разделить на две группы, в которые объединены носители противоположных нравов: с одной стороны, это чета Панкратовых, с другой – герои, внутренняя жизнь которых не подвластна законам «проточного» быта.

Понимание быта Панкратовыми не выходит за рамки их квартиры. Панкратов, владелец солидного ларька, написан И. Эренбургом выпукло и убедительно, в полном соответствии с теми традициями, которые сложились при изображении «мироедов» и «первонакопителей» литературы предреволюционных лет. В повествовании он именуется не иначе как «дух Проточного», царствующий над переулком, где живет «жулье», воры, убийцы. Интересно, что самые опасные обитатели переулка – убийцы – уважают его и даже немного побаиваются. Это объясняется нравом хозяина Проточного: убить за посягательство на его имущество для него естественно. Так, когда у Панкратова беспризорники украли окорок, он решает наглухо засыпать, замуровать выход из подвала, где ночуют бездомные дети, и тем

обречь их на голодную смерть и удушье. Решение это не сопровождается какими-либо нравственными страданиями героя. Более того, к выполнению своего замысла он привлекает жильцов дома, делая их соучастниками преступления.

Образ Панкрата подтверждает выход романа за пределы социально-бытовой тематики. Он аллюзивен: отец Панкрата «сколачивал» «из медных копеечек «рупь» [7, 467], чему и сына научил, совсем как отец гоголевского героя Чичикова. Известно, что перед написанием «В Проточном переулке» И. Эренбург перечитывал русскую классику и, не принимая новую литературу 1920-х годов, говорил: «Я хочу Гоголя и еще хороших репортеров» [5, 134].

Образ, созданный И. Эренбургом, страшнее образа Н. В. Гоголя: новый, «нэпмановский» Чичиков-Панкратов гоняется за копеечкой, которая бережет рубль, а накопив «червячков», готов за них убить. Афера с «мертвыми душами», которые скупает Чичиков, воспринимается как анекдот на фоне деяний нового Чичикова, намеренно губящего «живые души» за украденный окорок.

Особого внимания заслуживает название Панкратовым денег – «червячки». Возникающие ассоциации со словом «червь» еще раз указывают на бездуховность, безнравственность и аморальность героя.

Жена Панкрата не отстает от мужа, не менее деятельно участвуя в накоплении «червячков» изготовлением и продажей пирожков. Она во всем солидарна с мужем, не сомневается в правильности его решения убить беспризорных детей. Эренбург пишет, что Панкратовы убивались по окороку, как по собственному сыну [7, 476]. Для них это вполне адекватная замена, не случайно Панкрата благодарил судьбу, что у них не было детей, всегда на первое место ставя деньги, материальную выгоду. Быт, устоявшийся порядок для нее важнее всего. Так, в главе «Варенье на славу», в названии которой присутствует нарочито домашний сюжет, Панкрата узнает о том, что ее сестра Поленька, выполняющая в доме роль служанки, беременна от ее мужа. Панкратову поразил не факт измены мужа («Алексеич мужик хоть куда»), а грозящая их совместному благополучию опасность. Но такие коллизии Панкратовы, не обремененные нравственными соображениями, разрешать умеют. Поэтому Панкрата и варенье на славу сварила, и от незаконного ребенка мужа избавила. «Сам» ни о чем не подозревал ...видно, любовный сезон миновал» [7, 563].

Вторая группа героев противопоставлена Панкратовым. Ее центром является Юзик – бедный еврей, горбун, зарабатывающий себе на жизнь игрой на скрипке. Он человек бескорыстный, добрый, и, что немаловажно, заставляющий людей, так же, как и он, живущих в нищете, вспоминать о душе. Например, «гражданка Лойтер» просит его перестать

играть на скрипке, потому что у нее от этой игры «вся душа выворачивается» [7, 490]

К этой группе героев следует отнести и так называемых «бывших» людей Наталью Генриховну и Освальда Сигизмундовича, несмотря на то, что их поведение не столь очевидно, как позиция Юзика. Их настоящая жизнь осталась в прошлом, в революционном времени они потеряли себя. Наталья Генриховна – «осколок прошлого», баронесса, вынужденная зарабатывать на жизнь изготовлением женских шляпок. Чех Освальд Сигизмундович – бывший преподаватель латыни в гимназии, сегодня нищенствующий и никому не нужный старик.

Наиболее сложной фигурой в романе является Наталья Генриховна. Ее судьба, как впрочем, и судьбы других героев, символична. Наталья Генриховна некогда принадлежала к поколению предреволюционной молодой интеллигенции, поверхностно увлеченной идеями свободы, отрицанием дворянского быта. Полюбив жалкого и ничтожного человека Сахарова, она уходит из родительского дома, чтобы стать его женой. Сахаров же, некогда привлеченный ее богатством и титулом, теперь требует от нее денег, шантажируя ее дворянством как социальным пороком. Наталья Генриховна преодолевает бытовые послереволюционные трудности, не менее успешно, чем Панкратовы, борется, как ей кажется, за семью, за любимого мужа, не замечая его ничтожности и губительности своих усилий. Реальность нэпа, девальвация всех нравственных ценностей деформируют Наталью Генриховну как личность. Бывшая баронесса, став шляпницей, и ведет себя, как шляпница: позволяет себя унижать, не испытывает брезгливости, общаясь с Панкратовыми, добровольно принимает участие в уничтожении беспризорников. Разделив взгляды той среды, к которой принадлежит ее муж, она стала частью «абрикосового домика» в Проточном переулке, агрессивной частью толпы. В ее сознании быт заместил бытийные проблемы, деформировал нравственные оценки.

В литературе 1920-х годов встречается много сюжетов, связанных с судьбами представителей интеллигенции, которые искренне хотели стать частью нового мира. В рассказе А. Н. Толстого «Гадюка» в центре внимания автора – гимназистка Оленька Зотова, у которой революционные события отняли не только семью, дом, но и во многом женственность и человечность. Как и Наталью Генриховну, лишения превратили Ольгу Зотову сначала в бойца революции, каким она стала, полюбив «красноглазого» красного командира, а после его гибели – в человека, не нашедшего себя в послереволюционном мире. Гибель старого быта, попытка героини жить по тем требованиям, какие предъявляет им деформированный революцией мещанский быт, как свидетельствуют А. Толстой, И. Эренбург, это

деградация прежних нравственных норм, а не созидание нового мира.

Послереволюционным бытом вытеснен из привычного круга жизни и Освальд Сигизмундович. Он стал обитателем подвала «абрикосового домика» вместе с беспризорными детьми. Именно там, в подвале, оказались востребованными его доброта и беззащитность, которую остро почувствовали обездоленные дети, приняв в подвал старого преподавателя, и тем спасли его не только физически.

Таким образом, в повести И. Эренбурга мы не видим людей нового, революционного времени. Перед нами проходит череда героев, либо сохранивших все «родимые пятна» прошлого (Панкратова, Сахаров), либо деградировавших под влиянием внешних обстоятельств.

В числе отступивших от своей прежней жизни Прахов, поэт, ставший «халтурщиком», «выгоняющим строчки» для низкосортных журналов; наивная и старающаяся жить, как другие, «совбарышня» Таня, книжные представления которой разбираются о популярные революционные теории «свободной» любви.

Трагедию героев своего романа И. Эренбург видит в том, что они не сумели жить по естественным для них законам, уступили давлению среды прежде всего в области нравственной. Наталья Генриховна, ужаснувшись тому, как она жила, уходит из дома в Проточном переулке. Ей предстоит нелегкое духовное освобождение. Не видя возможностей ее возрождения в привычной для нее среде, И.Эренбург не прописывает ее дальнейшего пути.

Умирает Освальд Сигизмундович, в значительной мере сохранивший себя в испытаниях послереволюционных лет и потому оставшийся в памяти спасших его беспризорников «дедушкой», о котором они вспоминают, столкнувшись с людской добротой. С этими беспризорниками убегает Петька, сын Натальи Генриховны, отыскавший свою дорогу без помощи родителей. Пожалуй, только с беспризорниками и может связать свои неотчетливые надежды на будущее автор романа. Взрослые же герои оставляют для этого мало надежд. «Совбарышня» Таня уезжает в другой город, оставив романтическое ожидание большой любви, выходит замуж. Прахов принимает себя таким, какой он есть, не мнит себя гениальным. Юзик, единственный мечтатель Проточного переулка, желавший всем добра, так же утратил свои надежды и заблуждения: «Юзик теперь знает, у всего Проточного горб, у всего мира горб, и этот большой горб зовут горем. Нечего фантазировать...» [7, 585]

Проточный переулок губит оставшихся, поэтому мотив ухода особенно важен для понимания авторской позиции. Наиболее детально прописан в романе уход Тани. С этой героиней романтический Юзик связывал легенду о жертве Персефоны: героиня

мифа сходила в ад, мир праха и смерти, чтобы вернуться на землю и воскресить жизнь. Однако надеждам Юзика не суждено быть реализованным. Таня – героиня старого быта, но не нового мифа. Несмотря на то, что она ждет ребенка (что могло бы быть воспринятым как указание на возрождение жизни, если бы миф был реализован), ей не суждено стать Персефой. Мужа своего она не любит, духовной близости между ними нет, да и ее образ жизни в целом не изменился.

Уход Натальи Генриховны, как мы уже отмечали, менее детализирован событийно, но более трагичен, возвышен и многозначителен. О бытовой стороне жизни героини судить трудно, самой выразительной деталью ее ухода является то, что она уходит из Проточного переулка без денег и вещей, оставляя их, как и собственные заблуждения. Олицетворяя собой дореволюционную интеллигенцию с ее книжными идеалами, которые не были подтверждены революцией, она своим уходом ставит вопрос: вернутся ли эти идеалы или будут задушены Панкратовыми, царствующими в Проточном переулке? Надежда скорее возлагается на беспризорников и сына Натальи Генриховны Петю: лишь они ценят добро, в них живо человеческое.

И. Эренбург охарактеризовал свой роман как «психологически-бытовой, мещанский, по старинке» [5, 135], но предмет для описания он избрал новый – Россию времен нэпа. Ю. Тынянов в статье «Литературное сегодня» говорил о том, что старые формы с новым содержанием «не уживаются». Роман И. Эренбурга «В Проточном переулке» это подтверждает. Его нельзя назвать социально-бытовым, проблематика романа выходит за эти рамки. Писателя волнует настоящее и будущее страны, в которой, безусловно, произошли революционные изменения, но «вечные» человеческие типы – алчный торгаш, жуир – остались.

Роман И. Эренбурга свидетельствует, что революция в социальной и политической областях жизни не коснулась толщи быта, в которой по-прежнему стяжательство и эгоизм противостоят добру и бескорыстию. Абрикосовый домик в Проточном переулке оказывается царством Панкратовых. На их фоне обращение И. Эренбурга к образам Н. В. Гоголя не выглядит данью традиции. Это утверждение нерушимости старого миргородского быта, который по-прежнему бросает вызов всему новому.

Особого внимания требует название романа. Показательно, что это не улица, а именно переулок – небольшой отрезок улицы, соединяющий ее с большими магистралями. Финал вызывает ассоциации с гоголевской Русью-тройкой, однако, в новом воплощении – это отправившиеся в самостоятельный поиск беспризорники, спасшиеся от жестокости Проточного переулка. Повествуя о совершенно иной, нежели во времена классика, России, И. Эренбург,

как и Н. В. Гоголь, задается вопросом о судьбе страны, но его постановка вопроса иная: скорее это вопрос не о том, куда она идет, а дойдет ли?

ЛИТЕРАТУРА

1. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977.– 574 с.
2. Эйхенбаум Б. М. О прозе: сборник статей / Б. Эйхенбаум; сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. – Л. : Худож. лит. : Ленингр. отд-ние, 1969. – 501 с.
3. Толковый словарь русского языка: Современное написание / В. И. Даль. – М. : Астрель: АСТ, 2004. – 983 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского

языка / М. Фасмер; Пер. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс. – Т. 1: А-Д. – 2-е изд., стер. – 1986. – 573 с.

5. Фрезинский Б. Я. Об Илье Эренбурге. Книги, люди, страны: [избранные статьи и публикации] / Борис Фрезинский. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 902 с.

6. Комментарии к «В проточном переулке» // Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. / И. Г. Эренбург; коммент. А. Ушакова. – М. : Художественная литература, Т. 2. – 1964. – 615 с.

7. Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. / И. Г. Эренбург; коммент. А. Ушакова. – М. : Художественная литература, 1964 - . Т. 2: Рвач; Лето 1925 года; В Проточном переулке. – 1964. – 615 с.

*Воронежский государственный университет
Юденкова Е. В., аспирант кафедры русской литературы
XX-XXI вв., теории литературы и фольклора
E-mail: hatonhead@mail.ru*

*Voronezh State University
Yudenkova E.V., Post-graduate Student of the Russian Lit-
erature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folk-
lore Department
E-mail: hatonhead@mail.ru*